

Ю.В. ЛУНЕВА

БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС 1908–1909 годов: ПРОВАЛ ТАЙНОЙ СДЕЛКИ ИЗВОЛЬСКОГО И ЭРЕНТАЛЯ

Боснийский кризис 1908–1909 гг. занимает особое место в истории международных отношений: на Балканах со всей остротой проявились противоречия между европейскими державами, которые в дальнейшем привели к Первой мировой войне.

В статье на основе новых источников¹ рассматривается одна из ключевых проблем истории Боснийского кризиса: политическая борьба европейских держав в связи с присоединением Австро-Венгрией турецких провинций Босния и Герцеговина, в частности так и не состоявшаяся тайная сделка министров иностранных дел Российской и Австро-Венгерской империй А.П. Извольского и А. Эренталя по вопросу о пересмотре в пользу России режима Черноморских проливов.

Боснийский кризис явился закономерным следствием сложившейся международной обстановки начала XX в. В Европе образовались два военно-политических блока: "Тройственный союз" Германии, Австро-Венгрии и Италии и "Тройственное соглашение" Англии, Франции и России. Весной–летом 1908 г. произошли важные события, пошатнувшие европейское равновесие: ряд дружественных англо-французских и англо-русских встреч на высшем уровне, государственный переворот в Турции, значительное увеличение военных бюджетов Германии и Великобритании, напряженные отношения между Россией и Турцией.

В сентябре 1907 г., сразу после заключения англо-русского соглашения, министр иностранных дел России А.П. Извольский в Вене в беседе со своим австро-венгерским коллегой А. Эренталем заявил, что в интересам России соответствует поддержание статус-кво на Балканах. Германия и Австро-Венгрия, не возражая против действий России, продолжали развивать активность на Ближнем Востоке. Германия вела переговоры с Османской империей о политическом и военном соглашениях и добилась продолжения контракта на строительство Багдадской железной дороги. Австро-Венгрия подписала со Стамбулом секретную военную конвенцию и протокол о концессиях в Салоникском и Косовском провинциях (вилайетах).

В то же время Англия продолжала развивать союзные отношения с Россией. 27–28 мая (по старому стилю) 1908 г. на рейде Ревельского порта состоялось свидание короля Эдуарда VII и царя Николая II. Британский монарх высказался за дальнейшее укрепление единства между двумя странами и выразил удовлетворение ходом событий в России в результате деятельности премьер-министра П.А. Столыпина².

Извольский, несмотря на сближение России с Англией, считал, что следует добиваться улучшения отношений России с Австро-Венгрией. Двудеиная монархия Габс-

Лунева Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Автор использовал материалы фондов "Секретный архив министра" (ф.138) и "Посольство в Лондоне" (ф. 184) Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ) и фонда "Главное управление Генерального штаба" (ф. 2000) Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА).

² *Tyler M.* The European Powers and the Near East 1875–1908. Mineapolis, 1925, p. 201–202.

бургов стремилась установить свой контроль над Балканским полуостровом и прочно обосноваться на Адриатическом побережье. Для этого Дунайской монархии необходимо было присоединить турецкие провинции Боснию и Герцеговину. Согласно XXV статье Берлинского трактата 1878 г. эти южнославянские земли находились под управлением Австро-Венгрии, но формально оставались в составе Османской империи.

Для осуществления этого замысла Эренталь проделал обширную подготовительную работу. В ноябре 1907 г. он встречался с Извольским и обсуждал вопросы балканской политики. Извольский заявил Эренталю, что было бы желательно заранее выяснить, "возможно ли для России и Австрии продолжать действовать в полном единении и согласии, даже при наступлении таких обстоятельств, которые, помимо воли этих двух держав, нарушили бы статус-кво в пределах турецкой империи"³. Извольский открыто сказал Эренталю, что Россия ни теперь, ни в будущем не желает никакого территориального приращения ни за счет Турции, ни за счет какой-либо из балканских стран. Но если бы вопреки этой миролюбивой консервативной политике на Балканском полуострове произошли существенные перемены, русское правительство, по необходимости, "должно будет озаботиться обеспечением своего важнейшего интереса, вытекающего из истории и географического положения России. Интерес этот... весь сосредоточен в вопросе о свободном выходе из Черного моря в Средиземное, иначе сказать, в вопросе о турецких проливах. Подобная постановка дела... должна в значительной степени облегчить установление полного согласия между Россией и Австро-Венгрией на счет дальнейшей совместной деятельности в восточном вопросе; ибо разрешение в нашу пользу вопроса о Проливах не нарушило бы никакого австрийского интереса"⁴.

В апреле – июне 1908 г. состоялся обмен нотами между русским и австро-венгерским министерствами иностранных дел, в которых была подтверждена поддержка Россией австрийской аннексии Боснии и Герцеговины в обмен на поддержку Австро-Венгрией изменения режима Проливов в пользу России.

Правительство Австро-Венгрии 1 мая 1908 г. направило российскому министру иностранных дел меморандум, в котором предлагалось по-новому взглянуть на проблему провинций Боснии и Герцеговины, принадлежащих Турции. 2 июля 1908 г. Извольский отправил памятную записку Эренталю, в которой содержалось предложение договориться в случае решительных перемен на Балканах об аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в обмен на изменение конвенции о Проливах в пользу России. При этом Извольский упомянул, что пересмотр Берлинского трактата возможен только с согласия держав, его подписавших, а для этого нужно было бы провести международную конференцию⁵. По времени заявление Извольского почти совпало с государственным переворотом в Турции, начавшимся в Салониках, то есть в Македонии. К власти пришло младотурецкое правительство, которое сделало ставку на Германию. Это усилило обеспокоенность России судьбой Черноморских проливов.

21 июля 1908 г. в Санкт-Петербурге состоялось "Особое совещание" с участием руководства министерства иностранных дел, представителей совета государственной обороны, военного и морского министров, представителей генеральных штабов, министра финансов, а также российских послов в Париже и Константинополе. Обсуждался вопрос об отстаивании интересов России в Турции, однако было признано, что сейчас "мы не готовы на какие-либо самостоятельные выступления, что дело вооруженного завладения Босфором приходится временно отложить и пока заняться разра-

³ Всеподданнейший доклад Извольского Николаю II. 6 ноября 1907 г. АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 712/771, л. 42.

⁴ Там же.

⁵ *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. с. 136.

боткой подробного плана действий о мирном занятии Босфора без объявления войны Турции"⁶.

Через три дня начальник российского Генерального штаба Ф.Ф. Палицын отправил командующему войсками Одесского военного округа конфиденциальное письмо, в котором говорилось, что "современная политическая обстановка может принудить нас к занятию войсками части территории Турции, на первом плане Верхний Босфор"⁷.

Извольский намеревался использовать сложившуюся ситуацию, чтобы обеспечить России право проводить свои военные суда через Проливы; он полагал, что если России удастся заключить сделку с Австро-Венгрией, то Германия не станет этому противодействовать. Франция как союзник России тоже не должна возражать против плана мирного занятия Босфора. Великобритания же должна будет выполнить свое обещание, данное при заключении англо-русского соглашения.

6(19) августа 1908 г. Австро-Венгрия приняла решение об аннексии Боснии и Герцеговины. План аннексии поддерживала венская "военная партия" во главе с эрцгерцогом Францем Фердинандом и начальником императорско-королевского генерального штаба Ф. Конрадом фон Гётцендорфом⁸. По договоренности с болгарским князем Фердинандом Кобургским это событие должно было совпасть с объявлением независимости Болгарии. В итоге получилось, что Австро-Венгрия не была единственным государством, нарушившим Берлинский трактат.

20 августа 1908 г. Извольский писал из Карлсбада своему помощнику Н.В. Чарыкову: "Итак, мое убеждение, что мы должны предвидеть в более или менее близком будущем, что вопрос о присоединении Боснии и Герцеговины будет действительно поставлен ребром"⁹. Российский министр иностранных дел считал чрезвычайно важным, что Вена не отказывается обсуждать вопрос о Проливах.

2–3 (15–16) сентября 1908 г. в Бухлау состоялась встреча Извольского с Эренталем. Российский министр писал своему помощнику, что правительство Австро-Венгрии окончательно приняло решение об аннексии и рассчитывает на признание его Россией¹⁰. В результате сложных переговоров Эренталь согласился не дожидаясь ликвидации в отдаленном будущем Османской империи принять российскую формулу касательно режима Проливов, согласно которой все суда России и других прибрежных государств Черного моря могли бы входить и выходить через Проливы при сохранении принципа закрытия Проливов для военных судов других наций. Предметы сделки были неравноценны. Аннексия после тридцатилетнего австро-венгерского управления Боснией и Герцеговиной была шагом, логически объяснимым, тогда как Россия Проливами не обладала и не могла самостоятельно решить вопрос, урегулированный на международном уровне¹¹.

Эренталь хотел внести в формулу Извольского оговорку, которая лишила бы ее агрессивного характера по отношению к Турции, что Извольскому представлялось вполне возможным. Эренталь выразил готовность поддержать требование России перед Германией.

Босфорский мираж отчетливо возник перед глазами Извольского, который писал Чарыкову, что необходимо доложить обо всем царю и развить перед ним мысль, что протестами против аннексии и угрозами мы ничего не добьемся, а предлагаемый им путь компенсаций и гарантий может оказаться даже выгодным. "При счастливом и искусном ведении дела есть шансы нынче же, то есть не дожидаясь ликвидации турец-

⁶ Журнал "Особого совещания", 21 июля 1908 г. – Красный архив, т. 6. М., 1930, с. 45.

⁷ О десантных операциях на Черноморском побережье. Начальник Генерального штаба – А.В. Каульбарсу, 24 июля 1908 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 912, л. 83.

⁸ Нотович Ф.И. Эпизод Боснийского кризиса. – Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, 1947, т. IV, вып. 1, с. 61.

⁹ Извольский – Чарыкову, 20 августа (2 сентября) 1908 г. – Исторический архив, 1962, № 5, с. 117.

¹⁰ Извольский – Чарыкову, 16 сентября 1908 г. – Там же, с. 123.

¹¹ Игнатьев А.В. Внешняя политика России 1907–1914. М., 2000, с. 77.

кой империи изменить в нашу пользу постановление о Проливах. Во всяком случае, мы приобретаем формальное согласие на такое изменение со стороны Австрии, а может быть и Германии", – писал Извольский¹².

Результаты встречи Извольского и Эренталья не были официально зафиксированы, что оставило свободу трактовки шансов "на счастливое и искусное ведение дела". Ни сроки аннексии, ни выдвижение Россией вопроса о пересмотре статуса Проливов, ни процедура оформления изменений в Берлинском трактате уточнены не были.

Стороны в дальнейшем толковали смысл переговоров различно. Извольский утверждал, что состоялся форменный сговор: Австро-Венгрия получает Боснию и Герцеговину, Россия – пересмотр вопроса о Дарданеллах на европейской конференции, которую следовало для этого созвать. Эренталь же утверждал, что никакого сговора с Извольским не было¹³.

8 сентября 1908 г. Чарыков доложил царю о результатах встречи в Бухлау. Николай II был чрезвычайно доволен итогами переговоров. Особенно обрадовала царя перспектива решения вопроса о Проливах не дожидаясь ликвидации Османской империи¹⁴. Николая II беспокоило лишь отношение Германии к задуманному предприятию: «"Это было решением векового вопроса", – сказал он Чарыкову и, прощаясь после обеда, добавил: "Я буду помнить 8 сентября 1908 года"»¹⁵.

Однако Чарыков задал Извольскому вполне резонный вопрос: "Возможно ли осуществить такое крупное и существенное изменение международного договора семи держав (вопрос о Проливах), так сказать келейным путем, посредством партикулярного соглашения между двумя из них?"¹⁶. Как выяснилось позднее, это было сделать невозможно.

Тем временем Извольский продолжал дипломатическое турне по Европе. 12–13(25–26) сентября 1908 г. в Берхтесгадене он встретился со статс-секретарем по иностранным делам Германии В. Шёном, а 16–17 (29–30) сентября 1908 г. в Децио – с министром иностранных дел Италии Т. Титтони. Из разговора с Шёном следовало, что Германия не будет возражать против изменений режима Проливов, но потребует для себя компенсацию в этом регионе. Титтони отнесся к идее Извольского в общем благожелательно, но сразу же выдвинул притязания Италии на Триполитанию и Киренаику, против чего российский министр не возражал¹⁷. 19 сентября (2 октября) 1908 г. проект памятной записки императорско-королевскому правительству, в котором предлагались компенсации для России и балканских государств в случае аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины был одобрен царем. Пункт 2-й этого документа оговаривал "право для России и для других причерноморских стран проводить их военные суда свободно в обоих направлениях через Проливы, которые связывают Черное и Средиземное моря, поскольку принцип закрытия этих проливов установлен государствами, не прибрежными к этому морю"¹⁸.

Российское правительство предложило Австро-Венгрии провести дружественный обмен мнениями о будущем Константинополя и прилегающих к нему территорий и установить взаимопонимание между Россией и Дунайской монархией в случае распада Османской империи.

8 октября 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Возможно, Эренталь считал, что неожиданная аннексия Дунайской монархией Боснии и Герцеговины будет способствовать срыву планов Извольского относительно Проливов.

¹² Письмо Извольского Чарыкову 3(16) сентября 1908 г. – Исторический архив, 1962, № 5, с. 123.

¹³ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. с. 305.

¹⁴ Письмо Извольского Чарыкову, 3(16) сентября 1908 г. – Исторический архив, 1962, № 5, с. 123.

¹⁵ Письмо Чарыкова Извольскому, 8–9 сентября 1908 г. – Там же, с. 125.

¹⁶ Письмо Извольского Чарыкову, 3(16) сентября 1908 г. – Там же, с. 126.

¹⁷ История дипломатии, т. 2. М., 1963, с. 658.

¹⁸ Проект памятной записки австро-венгерскому правительству 19 сентября (2 октября) 1908 г. – Исторический архив, 1962, № 5, с. 133.

За два дня до этого, 23 сентября (6 октября), российский посол в Стамбуле И.А. Зиновьев виделся с султаном Абдул-Гамидом II и министром иностранных дел Турции Ахмедом Тевфик-пашой. Посол сделал заключение, что турки предъявят державам, подписавшим Берлинский трактат, протест против присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, но "понимают при этом невозможность изменить ход событий и относятся хладнокровно к свершившимся фактам"¹⁹.

К аннексии Венной Боснии и Герцеговины в Берлине отнеслись настороженно, хотя продвижение Австро-Венгрии на юго-восток и соответствовало интересам Центральных держав. Германское правительство, испытывая недовольство самостоятельным шагом Австро-Венгрии, все же безоговорочно поддержало своего союзника. Рейхсканцлер Б. фон Бюлов убедил кайзера Вильгельма II, что "от выступления против Эрентала может выиграть только Англия"²⁰.

Британия, в свою очередь, стремилась не допустить укрепления позиций Германии ни на Балканах, ни в Марокко. Планы британского министра иностранных дел Э. Грея нарушились дипломатической игрой Извольского с Эренталем.

Британия заняла резко отрицательную позицию в отношении аннексии²¹. Грей заявил правительству Австро-Венгрии, что "нарушение или изменение условий Берлинского трактата без предварительного согласия с другими державами, из которых Турция затронута в данном случае больше всех, никогда не может быть ни одобрено, ни признано правительством Его Величества"²².

Несмотря на защиту Британией интересов Турции и осуждение действий Австро-Венгрии, царь решил не отказываться от своих планов. Извольский продолжал дипломатическое турне по европейским столицам.

Возможно, что во время Ревельского свидания британский король Эдуард VII обещал новому адмиралу британского флота Николаю II, что Англия не станет противиться в будущем пересмотру режима Проливов. Иначе как с позиций здравого смысла можно объяснить тот факт, что в начале Боснийского кризиса, когда общественное мнение России и ряда стран Европы было направлено против аннексии Боснии и Герцеговины, Извольский направился в Лондон, чтобы получить одобрение Англии на проход российских военных кораблей через Проливы. Косвенным доказательством тому может служить дневниковая запись члена Государственного совета Российской империи А.А. Половцева: "В совете говорят, что при свидании двух монархов Эдуард обещал нашему императору добиться открытия для нашего флота свободного прохода через Дарданеллы"²³.

Между тем, именно в силу сделки Извольского с Эренталем проблема Проливов оказалась тесным образом связанной с балканскими делами. В Париже Извольский не получил определенных заверений. Своим невмешательством в Боснийский кризис Франция рассчитывала на уступку Германии в марокканском вопросе, который был для нее в то время важнее проблем России и Турции²⁴. Идею международной конференции и компенсаций в пользу ущемленных аннексией стран не поддержал министр иностранных дел Франции С. Пишон. Французы были недовольны не только неудачным моментом и формой, которую выбрал Извольский для решения проблемы Проливов, но и тем обстоятельством, что русский министр вел за их спиной переговоры с Эренталем.

¹⁹ И.А. Зиновьев – А.К. Бенкендорфу, 23 сентября (6 октября) 1908 г. – АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 1428. л. 135.

²⁰ Бюлов Б. Воспоминания. М., 1935, с. 339–340.

²¹ Lee S. King Edward VII. A Biography. London, 1927, p. 627; Tyler M. Op.cit., p. 204; Kent M. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1984, p. 37.

²² E. Grey – E. Goshen, 5 Oct. 1908. – British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. London, 1926–1938, v. V, № 302, p. 390; Kennedy A.L. Old Diplomacy and New. London, 1922, p. 149.

²³ Дневник А.А. Половцева. – Красный архив, 1923, № 4, с. 127–128.

²⁴ История дипломатии, т. 2, с. 661.

24 сентября (7 октября) 1908 г. российский посол А.И. Нелидов телеграфировал из Парижа, что министр иностранных дел Франции С. Пишон просил сообщить России, что "по мнению лондонского кабинета, пока не будет достигнуто предварительного соглашения касательно программы конференции, желательно не выступать с предложением о ее созыве. Необходимо время для подготовки общественного мнения по вопросу о Проливах. Желательно также заранее условиться о компенсациях. Вследствие всего этого Грей просил парижский кабинет побудить Россию не спешить с конкретными предложениями о созыве конференции"²⁵. Пишону также представлялось желательным сделать одновременно в Константинополе и в Софии заявление о том, что Берлинский трактат не может быть подвергнут никакому изменению или нарушению без согласия подписавших его держав²⁶.

В вопросе о Проливах Франция выступила за уважение суверенитета Турции и настоятельно советовала предварительно согласовать вопрос с Британией. Положение еще больше обострилось вследствие того, что во время пребывания Извольского в Париже он получил сообщение о том, что в Санкт-Петербурге восторжествовала точка зрения премьер-министра П.А. Столыпина: правительство России решило протестовать против аннексии Боснии и Герцеговины. Линия Столыпина связывала руки Извольскому. В этой чрезвычайно сложной и запутанной ситуации, затрагивающей интересы всех великих держав, многое зависело от позиции Британии.

Российские политические круги немедленно откликнулись на происходившие события. Газета "Голос Москвы" рассматривала аннексию Боснии и Герцеговины как окончательную ликвидацию Берлинского трактата и поддерживала "требования, высказанные в адрес правительства не упустить момент и позаботиться об интересах России. Имелся в виду пересмотр режима Проливов Босфор и Дарданеллы"²⁷. В России считали, что компенсация со стороны Австро-Венгрии в деле аннексии двух балканских провинций не решает дела. Германия выступала в роли вдохновительницы происков против южного славянства, а Эренталь при всех усилиях играть самостоятельную роль все время был вынужден оглядываться на Берлин²⁸. "Такая сделка, если бы она и состоялась, была бы не прочна и лишь временна", – писал "Голос Москвы"²⁹. Газета "Речь" высмеивала Извольского, который хотел проводить политику "бескорыстия" в турецком вопросе и мечтал явиться на предполагавшуюся международную конференцию с чистыми руками. "Ни в одной стране, кажется, дипломатия не считает заслугой оказаться особенно бескорыстной. Наоборот, повсюду, само собой разумеется, что все предпринимаемое в международной политике должно предприниматься исключительно в интересах данного государства"³⁰. "Новое время" писало: "Мы удивляемся, что А.П. Извольскому не пришла в Бухлау простая мысль сделать с Дарданеллами то же самое, что барон Эренталь сделал с Боснией"³¹.

8 октября 1908 г., за день до приезда Извольского в Лондон, британский посол в Петербурге А. Никольсон уведомил Грея, что России можно считать союзником в вопросе поддержки Турции. Правда, Россия не согласилась с повесткой предложенной Англией конференции, ограничивавшейся вопросами Боснии, Герцеговины и независимости Болгарии. Россия требовала компенсации для себя – выхода в Проливы³².

9–16 октября 1908 г. Извольский вел в Лондоне напряженные переговоры не только с Греем и его помощником Ч. Гардингом, но и с другими британскими мини-

²⁵ E. Grey to E. Goschen, 5 Oct. 1908. – British Documents on the Origins of the War, v. V, № 302, p. 391.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Голос Москвы, 26.IX.1908.

²⁸ Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908–1909. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964. с. 83.

²⁹ Голос Москвы, 27.IX.1908.

³⁰ Речь, 7.X.1908.

³¹ Новое время, 17.X.1908.

³² Grey E. Twenty-Five years 1892–1916, v. 1. London, 1935, p. 269.

страми³³. Этим переговорам придавалось настолько серьезное значение, что они неоднократно обсуждались в кабинете министров, а их содержание докладывалось Эдуарду VII.

Проект Извольского предусматривал открытие Проливов для военных судов причерноморских государств. Основное его предложение заключалось в том, что "Принцип закрытия проливов Дарданелл и Босфора остается; исключение делается для военных судов прибрежных государств Черного моря. В то время, когда Порты не находятся в состоянии войны, прибрежные державы Черного моря будут иметь право проводить беспрепятственно через проливы, в обоих направлениях, военные суда всяких размеров и наименований... Однако ни в коем случае перехода от Черного до Эгейского морей не могут совершать за раз более трех военных судов одной и той же прибрежной державы. Османские власти должны быть предупреждены, по меньшей мере, за 24 часа до прохода каждого военного судна"³⁴. Извольский заверил Грея, "что абсолютно никаких захватнических планов у России в отношении Константинополя и зоны Проливов нет"³⁵.

12 октября 1908 г. предложение Извольского обсуждалось британским кабинетом министров. Излагая подробно ход переговоров, Грей информировал присутствующих, что, по утверждению российского министра, отрицательное решение вопроса приведет к весьма серьезным последствиям: "Извольский заявил, что настоящий момент является наиболее критическим – он может укрепить и усилить добрые отношения между Англией и Россией, или разорвать их совершенно. Его собственное положение поставлено на карту, так как он всецело связан с политикой установления доброго согласия с Англией, которую он защищает против противников"³⁶.

После длительного и весьма бурного обсуждения проблемы Проливов британский кабинет не смог принять единодушного решения. По мнению Грея, независимо от сути русских претензий, для постановки вопроса о Проливах момент был крайне неподходящим в связи с событиями в Турции. В итоге большинством голосов предложение Извольского было отклонено. Авторитет и положение Извольского напрямую зависели от Лондона, поэтому российский министр был предельно настойчив. Ему удалось добиться того, чтобы 12 октября 1908 г. Грей принял его в третий раз. Встреча состоялась в доме Грея, при разговоре присутствовал российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф. Извольский отступил от первоначальной позиции, предложив вариант прохода через Проливы в мирное время военных кораблей всех причерноморских государств и обеспечения со стороны Турции в случае войны одинаковых прав пользования Проливами всеми державами. Грей, не желая ставить Извольского в безвыходное положение, увидел в компромиссном предложении своего русского коллеги элемент поиска взаимоприемлемого решения и пообещал обсудить предложение Извольского на заседании британского правительства.

14 октября 1908 г. Грей вручил Извольскому секретный меморандум, в котором было изложено окончательное мнение британского кабинета: «Английское правительство согласно на открытие Проливов, при условии, что Проливы будут открыты для всех одинаково и без исключения. Русское предложение (открыть их "для России и прибрежных государств") идет вразрез с общественным мнением Англии, которое было бы крайне разочаровано, если бы Россия, протестовавшая против действий Австрии, воспользовалась случаем обеспечить для себя преимущество в ущерб Турции или с нарушением статус-кво к невыгоде других. Чисто одностороннее соглашение,

³³ Clayton G.D. Britain and the Eastern Question. London, 1971, p. 207; Gooch G.P. Before the War, v. 1. London, 1936, p. 335–337.

³⁴ Записка Д.А. Нелидова "Обзор последних переговоров по вопросу о проливах". – Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. М., 1922, с. 529.

³⁵ Там же.

³⁶ Grey E. Op. cit., p. 277.

которое дало бы черноморским государствам преимущество в военное время воспользоваться всем Черным морем, как недоступной гаванью, в качестве убежища для своих крейсеров и истребителей при каком-либо преследовании их воюющими, не может быть воспринято общественным мнением Англии.... Соглашение должно быть, следовательно, таким, чтобы, давая России и прибрежным государствам во всякое время выход при условии ограничений, указанных господином Извольским, и обеспечивая их от угрозы или утверждения иностранной морской силы в Черном море, а в мирное время, оно заключало бы в себе элемент взаимности и в случае войны поставило воюющих в одинаковые условия. Кроме того, относительно прохождения Проливов Правительство его Величества позволяет себе заметить, что согласие Турции должно быть необходимым предварительным условием всякого проекта»³⁷.

Из текста меморандума можно сделать вывод, что Лондон в принципе не возражал против открытия Проливов, но не только для России и причерноморских государств, а для всех стран без исключения. Британское правительство не считало возможным заключение соглашения, которое давало бы России исключительные права. Предложение же российского правительства о предоставлении права свободного прохода через Проливы лишь черноморским государствам могло вызвать у англичан подозрение, что русская дипломатия пытается в своих интересах и в ущерб Турции использовать напряженную обстановку, вызванную действиями Австрии. В британском меморандуме предлагалось разделить проблему изменения режима Проливов на две части – на мирное время и на период войны. Не возражая против предоставления черноморским государствам права выхода судов из Проливов в любой момент (с ограничениями, о которых говорилось в меморандуме Извольского), и фактически соглашаясь на сохранение принципа закрытия Проливов для военных кораблей нечерноморских государств в мирное время, британское правительство настаивало на введении принципа взаимности в использовании Проливов военными кораблями всех стран в военное время, в особенности в случае участия в военных действиях Великобритании и России³⁸. При переводе текста английского меморандума, опубликованного в записке Д.А. Нелидова о Проливах, вкралась серьезная ошибка, существенным образом искажавшая содержание документа. Английское слово "egress" было переведено на русский язык как "преимущество". Между тем, оно означало "право прохода". Это меняло суть британского меморандума, в котором содержалось согласие английской стороны предоставить черноморским державам право прохода через Проливы в мирное время. Наиболее существенным изменением в новом меморандуме явилось разделение проблемы на две части: на период мирного и военного времени. Но ведь Извольский и российская сторона, добиваясь предоставления русскому флоту права прохода через Проливы, думали только о мирном времени. Очевидно, что трактаты и договоры не могли сохранять силу в военное время, в особенности в том случае, если бы Англия и Россия оказались врагами. Напомним о заявлении британского премьера Р. Солсбери 1878 г., что английское правительство сохраняет за собой право ввести в случае войны свой флот в Черное море, не считаясь ни с какими трактатами.

Вместе с тем меморандум Грея вводил два новых положения, которые до этого не фигурировали в англо-русских переговорах по поводу Проливов. О первом уже упоминалось: британская сторона настаивала на том, чтобы изменение режима Проливов не связывалось с международной конференцией, которую Извольский предложил созвать в связи с аннексией Боснии и Герцеговины. Второе было гораздо существеннее: в документе министерства иностранных дел Великобритании подчеркивалось, что британское правительство считает, что "согласие Турции должно быть необходимой предпосылкой по всякому предложению об изменении режима Проливов"³⁹. Впервые

³⁷ Проливы. Сборник. М., 1923, с. 80–81.

³⁸ Записка Д.А. Нелидова..., с. 530.

³⁹ Там же.

в ходе дипломатических переговоров британская сторона не только вспомнила о существовании турецкого правительства, но и потребовала, чтобы было обеспечено согласие Турции на любые изменения режима Проливов.

Это условие действительно существенным образом изменило всю ситуацию и делало для российского правительства практически невозможным добиться изменения режима Проливов. В Константинополе вновь окрепли позиции Германии. "Турция была оскорблена пренебрежительным отношением к ней Австрии и Болгарии, – писал Грей. – Мы не можем согласиться добавить к этому еще затруднения путем навязывания Турции стеснительного вопроса о Проливах"⁴⁰.

Английский историк З. Стейнер считает, что во время Боснийского кризиса Британия столкнулась с противоречием: с одной стороны, ей надо было поддержать своего нового друга Россию, а с другой – она традиционно поддерживала независимость Турции⁴¹.

Одновременно с отрицательным ответом Извольскому, британское правительство предупредило Порту об имеющихся будто бы у него сведениях об агрессивных проектах России в отношении Проливов и потребовало на этом основании усиления оборонительных сооружений на Босфоре. Затем Англия, признав принятые Портой меры недостаточными, невзирая на протесты Турции отправила свою эскадру к Проливам, подкрепляя военной силой свою дипломатическую позицию⁴².

Грей с самого начала знал, что Россия не согласится на открытие Проливов для военных кораблей всех держав. "Простое открытие Проливов для военных кораблей всех народов, – писал он, – предоставило бы возможность иностранным флотам сосредоточиваться на Черном море в любое время. Это является неблагоприятным для России и естественно будет неприемлемым для нее"⁴³.

Кроме того, английская дипломатия не была намерена даром менять режим Проливов в пользу России, ибо подобное изменение, по мнению Лондона, дало бы Санкт-Петербургу во время войны возможность превратить Черное море в русскую гавань, из которой русские корабли могли бы препятствовать коммуникациям в Средиземное море и в которой они могли бы скрываться от преследования противника.

Фон Бюлов вспоминал, что поведение английского министра иностранных дел было "осторожным и осмотрительным": Грей "был исполнен желания не доводить дело до разрыва"⁴⁴.

Английская дипломатия, умело используя то обстоятельство, что Извольский не мог открыто признаваться в своей сделке с Эренталем за счет славянских народов, достигла своей цели – не давать России права свободно прохода ее военных судов через Проливы.

В беседе с Греем 14 октября 1908 г. Извольский заявил: "Когда поднимается вопрос о Проливах, Англия постоянно препятствует его решению, несмотря на хорошие отношения с Англией. В результате никакого действительного улучшения эти хорошие отношения не повлекли за собой. Это может оказаться губительным для хорошего взаимопонимания с Англией"⁴⁵. Грей настаивал на том, что момент для решения вопроса выбран неудачно и обещал в иное, более удобное время использовать влияние Англии в Стамбуле, чтобы обеспечить согласие турецкого правительства.

В материалах Санкт-Петербургского телеграфного агентства, цитировавшего интервью Извольского агентству "Рейтер", утверждалось, что "между Извольским и Греем достигнуто согласие о конференции по Балканским делам, но в ней будет за-

⁴⁰ E. Grey to A. Nicolson, 12 Oct. 1908. – British Documents on the Origins of the War, v. V, № 358, p. 424; Nicolson H. Sir A. Nicolson. First Lord Carnock. London, 1930, p. 282–283.

⁴¹ Steiner Z. The Foreign Office and the Foreign Policy 1898–1914. Cambridge, 1969, p. 96.

⁴² Проливы, с. 81.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Бюлов Б. Указ. соч., с. 354.

⁴⁵ E. Grey to A. Iswolsky, 15 Oct. 1908. – British Documents on the Origins of the War, v. V, № 387, p. 451.

тронут лишь узкий круг вопросов. Не имеется в виду поставить на обсуждение конференции вопрос о Дарданеллах, так как этот вопрос коснется главным образом России и Турции. Россия не желает, чтобы этот вопрос был разрешен в невыгодном для Турции смысле или чтобы он был обращен в вопрос о компенсациях, так как Россия явится на конгресс лишь в качестве незаинтересованной державы"⁴⁶. Вопрос о Проливах был снят с повестки дня. Грей убедил Извольского "продемонстрировать такое выражение доброй воли к Турции, чтобы в момент настоящего кризиса, защищая турецкие интересы, не получить прямые выгоды для самой России – это произведет хорошее впечатление на общественное мнение Англии"⁴⁷.

Париж и Лондон показали русской дипломатии, "что дорога к мирному разрешению вопроса о Проливах идет из Петербурга не через Берлин – Вену, а через Лондон – Париж, и показали это в самой решительной форме, не оставлявшей место для каких-либо сомнений и колебаний"⁴⁸.

Насколько незначительной для британского правительства была просьба России, видно из письма Грея: "Со стратегической точки зрения, заход наших (то есть британских. – Ю.Л.) судов в Черное море в военное время не имеет никаких преимуществ. Это уже сложившийся принцип нашей морской стратегии, что ни в коем случае военные не должны входить в Черное море, пока Турция не является нашим союзником. Поэтому условия взаимности имеют для нас не большее значение, чем витрина в магазине"⁴⁹.

Российский министр иностранных дел, зная коварство британской дипломатии, мог предположить такой исход дела. Перед отъездом из Парижа в Лондон, Извольский, не зная о новых условиях, которые будут там выдвинуты, имел продолжительную беседу с турецким послом во Франции, в ходе которой предложил заключить союзный договор между Россией и Турцией, включавший предоставление русским военным кораблям права свободного прохода через Проливы.

Пока Извольский совершал поездку по Европе, Чарыков и Столыпин подготовили свой проект русско-турецкого соглашения, предусматривавший поддержку правительством России на будущей международной конференции позиции Турции в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины и одновременно согласие Турции на изменение режима Проливов⁵⁰. 23 сентября 1908 г. Чарыков представил на доклад царю проект договора с Турцией, состоявший из четырех пунктов⁵¹. Чарыков предлагал, чтобы обе державы на конференции по пересмотру Берлинского трактата выступили бы совместно в защиту обоюдных интересов. Санкт-Петербург был готов поддержать ряд пожеланий Османской империи, включая отмену причитавшейся России контрибуции. Турецкое правительство, со своей стороны, должно было взять на себя обязательство не возражать против превращения Болгарии в независимое королевство, в случае согласия держав на открытие Проливов для военных судов России и других черноморских стран при соблюдении абсолютной безопасности турецкой территории и сооружений в зоне Проливов. Замысел Чарыкова Николай II одобрил.

26 сентября (9 октября) 1908 г. турецкое правительство решило не выступать против предложения России и просило Санкт-Петербург получить поддержку этого соглашения со стороны Англии и Франции. "Против нашей формулы о проливах Турция не возражает", – докладывал Чарыков Столыпину⁵². На самом же деле Порты также не хотела поддерживать русское предложение, особенно в отношении Проливов, поэтому сразу сообщила о нем Англии и Германии, рассчитывая на их содействие. Рус-

⁴⁶ Речь, 17.X.1908.

⁴⁷ Grey E. Op. cit., p. 283.

⁴⁸ Проливы, с. 79.

⁴⁹ E. Grey to J. Lowther, 15 Oct. 1908. – British Documents on the Origins of the War, v. V, № 383, p. 447–448.

⁵⁰ Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926, с. 219–220.

⁵¹ Чарыков – Николаю II, 23 сентября (6 октября) 1908 г. – Исторический архив, 1962, № 5, с. 135.

⁵² Телеграмма Чарыкова Николаю II, 26 сентября (9 октября) 1908 г. – Там же, с. 136.

ский посол в Стамбуле Зиновьев верно оценивал ситуацию: "Настоящее турецкое правительство не особенно расположено к разрешению вопроса о Проливах в желательном для России смысле"⁵³.

В Берлине внимательно следили за развитием событий. 19 октября 1908 г. германский посол в Петербурге А. Пурталес посетил Извольского. Посол объяснил министру мотивы германской политики, припомнив русско-японскую войну, когда Германия, по его словам, единственная из всех европейских государств, подвергая себя опасности осложнения отношений с Японией, поддержала Россию в этой войне. Однако вместо благодарности Россия примкнула к двойственному соглашению Франции и Англии, все более явно становясь на сторону группы держав, враждебных Германии. Кульминационным пунктом этой политики явилась Альхесирасская конференция, где Россия открыто высказалась против Германии. В январе–апреле 1906 г. в испанском городе Альхесирасе состоялась международная конференция для урегулирования франко-германского конфликта из-за Марокко. Конференция заявила о независимости и целостности Марокко и немецкая делегация была вынуждена уступить по важнейшим вопросам, признав привилегированное положение Франции в этой стране⁵⁴. Затем последовала встреча российского и британского монархов в Ревеле, которую общественное мнение признало событием первостепенной важности в укреплении дружбы России с Англией. Эта перегруппировка вынудила Германию еще больше сблизиться с Австро-Венгрией. "Вот почему в настоящем вопросе берлинский кабинет безусловно поддерживает точку зрения Австро-Венгрии и не может принять ничего такого, что было бы истолковано в Вене как давление на австро-венгерскую политику"⁵⁵.

О том, что Германия в Боснийском кризисе будет действовать заодно с Австро-Венгрией, Извольский прекрасно знал. Еще в 1907 г., во время свидания российского и германского императоров в Свинемюнде, Извольский беседовал с Бюловым. Извольский ознакомил Бюлова с австрийско-российским проектом реформ в Македонии, подчеркнув, что российским и венским кабинетами совместно был разработан текст проекта судебных реформ в трех вилайетах, который затем следовало передать русским и австро-венгерским послам в Константинополе и представителям других держав. Бюлов пообещал Извольскому, что "сообразно с принятым им общим правилом, раз в этом вопросе мы будем действовать в полном согласии с Австро-Венгрией, он заранее обещает нам энергичное свое содействие в Константинополе"⁵⁶.

Германия была заинтересована в том, чтобы отказ пришел в Санкт-Петербург именно из Лондона, что ослабило бы только что достигнутое Тройственное согласие. Бюлов считал, что Извольский в боснийском вопросе "делал ошибку за ошибкой. Грубой ошибкой было то, что 15 сентября 1908 г. в Бухлау он не спросил Эренталя прямо и без обиняков, когда и в какой форме он намеревается предпринять аннексию Боснии и Герцеговины. Дальнейшей ошибкой было то, что когда Эренталь поразил его аннексией, он не вернулся в Петербург, чтобы перед Думой и Царем мужественно защищать свою политику. Вместо этого он комичным образом объездил все европейские столицы"⁵⁷.

В завершение всего, миссия Извольского была дезавуирована собственным правительством. Положение российского министра иностранных дел осложнялось разногласиями в правительстве и протестом буржуазно-помещичьих кругов России против осуществленной Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины.

⁵³ Зиновьев – Бенкендорфу, 9 октября 1908 г. – АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 1324. л. 138.

⁵⁴ *Туполев Б.М.* Происхождение Первой мировой войны. – Мировые войны XX века, кн. 1. М., 2005, с. 52.

⁵⁵ Доклад Извольского Николаю II, 19 октября 1908 г. – АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 712/771, л. 136.

⁵⁶ Там же, л. 121.

⁵⁷ *Бюлов Б.* Указ. соч., с. 350.

25 октября (7 ноября) 1908 г. состоялось заседание совета министров Российской империи. Премьер Столыпин критиковал Извольского за то, что в столь важном вопросе внешней политики министр иностранных дел действовал за спиной своего правительства. Участники заседания пришли к согласию по вопросу о том, чтобы продолжать разговоры о конференции, по возможности избегая ее созыва, или, как предложил государственный контролер П.А. Харитонов, "не соглашаться на аннексию, как этого требует русское общественное мнение. Лучше дело длить и вести взятяжку"⁵⁸. Выступление Извольского в Думе признали преждевременным и требующим основательной подготовки. Столыпин отметил, что к таким выступлениям "надо прибегать, когда они обещают успех внешней политики"⁵⁹. В итоге идея конференции без обсуждения проблемы Проливов утратила смысл и для самого Извольского. Дальнейшие международные события, поставившие монархию Габсбургов и Сербию на грань войны, отодвинули на время проблему Проливов.

29 ноября 1908 г. Извольский письменно докладывал Николаю II, что германский посол в Петербурге заявил ему о том, что Россия хочет запугать Германию призраком коалиции России, Франции и Англии и что Извольский толкает Россию на путь "воинственных приключений". Вечером 28 ноября 1908 г. Извольский имел беседу с Пурталесом. Германский посол подчеркнул, что "ввиду совершившейся в Европе новой группировке держав, составивших вокруг Германии как бы кольцо враждебных элементов, германское правительство должно еще сильнее сомкнуться с Австро-Венгрией, и этим объясняется та безусловная поддержка, которую берлинский кабинет оказывает политике барона Эренталя. Если бы оказалось, что сближение России с Англией превратилось во враждебный Германии союз, это могло бы иметь самые опасные последствия для сохранения мира"⁶⁰. Пурталес заявил, что его правительство «конечно, не сомневается в истине наших (российских. – Ю.Л.) уверений об отсутствии такого союза, но общественное мнение Германии глубоко обеспокоено газетным и иным шумом, происходящим вокруг Тройственного соглашения – "triple entent"; это не может не отразиться на русско-германских отношениях»⁶¹. Посол Германии считал, что главная опасность сохранению мира исходила не от агрессивных замыслов Австро-Венгрии, в которые он не верил, а исключительно от интриг Англии, которая, по имеющимся в Берлине достоверным сведениям, желает лишь одного – спутать карты, вызвать европейскую войну и воспользоваться ради достижения собственных целей ослаблением тех держав, которые будут в этой войне участвовать. Деятельность британской дипломатии в Константинополе, Белграде и Цетинье Пурталес объяснял стремлением раздуть конфликт с Австро-Венгрией.

Осенью 1908 г. российские правящие круги предпринимали попытки создания союза балканских государств, направленного против германо-австрийского проникновения на Ближний Восток⁶². Сербия искала сближения с Турцией и просила Россию помочь ей в этом. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины вызвала взрыв негодования в Сербии, Черногории и Турции. Торговые связи Австро-Венгрии с Ближним Востоком и Балканами были почти полностью прекращены. Сербия потребовала автономии для Боснии и Герцеговины, а также раздела Ново-Пазарского санджака между Сербией и Черногорией в целях установления между ними общей границы. Белград обратился к Санкт-Петербургу, который поддержал требования Сербии и предложил рассмотреть вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины на меж-

⁵⁸ Протокол заседания совета министров 25 октября 1908 г. по вопросу о присоединении Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. – Исторический архив, 1962, № 5, с. 140–144.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Доклад Извольского Николаю II, 29 ноября 1908 г. – АВПРИ, ф. Секретный архив министра, оп. 467, д. 712/771, л. 82.

⁶¹ Там же.

⁶² *Виноградов К.Б.* Указ. соч., с. 103–105.

дународной конференции. Австро-Венгрия отвергла сербские требования о компенсациях⁶³.

Таким образом, Вена, поддерживаемая Берлином, заняла в отношении Сербии и России непримиримую позицию. На Балканах назревала новая война. Извольский придерживался мнения, что Россия не смогла бы воздержаться от участия в этой войне. Следовательно, главная задача российской дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить новой войны на Балканах, которая могла перерасти в большую европейскую войну.

Нельзя было предсказать, каким образом решится вопрос о взаимоотношениях между Австро-Венгрией и Турцией и между Турцией и Болгарией. В то время как Сербия и Черногория готовились к войне, втягивая в нее Россию, Санкт-Петербург не был готов к вооруженному столкновению и все более зависел от союзников в Лондоне и Париже, которые решили не принимать участия в возможном вооруженном противостоянии Сербии и Австро-Венгрии.

Эренталь понимал уязвимость российской позиции и продолжал держать Санкт-Петербург в напряжении. Эренталь угрожал Извольскому предать огласке секретные сделки между Австро-Венгрией и Россией.

"Ряд событий в продолжение только что кончившегося года, – писал в годовом отчете британский посол в России А. Никольсон, – показал, что Россия, ввиду общих комбинаций, имеющих явно враждебный характер в отношении ее на Ближнем Востоке, поставлена была в необходимость соглашаться с действием центральных держав"⁶⁴.

21 декабря 1908 г. (3 января 1909 г.) Извольский предупредил Болгарию, что если она даст себя втянуть в конфликт с Турцией, вся ответственность за это ляжет на нее и она не может рассчитывать ни на какую поддержку со стороны России. Но если Болгария проявит благоразумие и "выкажет склонность последовать нашему совету (заплатить Турции)", то Россия обещает "приложить все старания, чтобы найти практическое разрешение финансовой стороны вопроса"⁶⁵.

Неожиданно быстрое решение в январе 1909 г. спора между Австро-Венгрией и Турцией свидетельствовало о том, что Вена предпочитала заняться сербским и черногорским вопросом. В то же время, напряженные отношения между Болгарией и Турцией явились причиной большой тревоги для российского правительства. Престиж России среди балканских государств был поставлен на карту, а соглашение между Австро-Венгрией и Турцией считалось в высшей степени нежелательным для России. Извольский с опасением следил за настойчивостью, с какой Эренталь проводил свою политику.

В конце 1908 г. Санкт-Петербург выпустил циркуляр, гласивший, что "международная конференция должна заняться пересмотром некоторых устарелых постановлений Берлинского трактата и удовлетворением некоторых законных интересов Турции и Балканских государств"⁶⁶. В документе отмечалось, что хотя непосредственное соглашение между Австро-Венгрией и Портой будет способствовать окончательному решению вопроса, оно, тем не менее, не предпринимает окончательной санкции держав и не предотвратит обсуждение ими этого вопроса. Россия хотела бы на конференции высказать свои взгляды относительно пунктов, имеющих для нее особый интерес⁶⁷.

В речи в Думе 25 декабря 1908 г. Извольский воспользовался случаем выразить свою горячую симпатию балканским государствам и заявить о намерении России употребить все дипломатические средства для защиты их интересов. Министр надеялся, что прежде чем Австро-Венгрия придет к соглашению с Турцией, ему удастся с помо-

⁶³ Там же, с.111; *Dickinson G.L.* The International Anarchy. London, 1937, p. 170–185; *Gooch G.P.* Op. cit., p. 343–346.

⁶⁴ Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 30 декабря 1908 г. – АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 288/290, л. 4.

⁶⁵ Извольский – Бенкендорфу, 21 декабря 1908 г. – АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 1324, л. 262.

⁶⁶ Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 30 декабря 1908 г. – АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 288/290, л. 11.

⁶⁷ Там же.

щью Франции и Англии склонить Австро-Венгрию к изменению своей позиции в отношении Сербии.

Британское правительство также испытывало беспокойство относительно действий, которые Австро-Венгрия замышляла против Сербии и отмечало опасность этих действий для европейского мира. "Венский кабинет приглашал подробно определить свои претензии, которые он мог предъявить к сербскому правительству, с тем, чтобы правительство Его Величества могло сделать, как прежде, представления Белграду по этому поводу"⁶⁸.

Венский кабинет оставался безучастным к общественному мнению России, которое было на стороне балканских славян. В Вене полагали, что Санкт-Петербург не осмелится пойти на вооруженный конфликт с Австро-Венгрией и не будет в состоянии воевать. "Русский медведь, – считал Эренталь, – будет рычать, но не укусит"⁶⁹.

Германия, провозгласив свою солидарность с Австро-Венгрией, в то же время внушала русскому правительству, что единственной возможностью для России избежать унижения на Балканах является переориентация своей политики с Парижа и Лондона на Берлин, с помощью которого можно, пока еще не поздно, достичь соглашения с Веней.

Франция, по мнению Извольского, чрезвычайно заботилась о сохранении мира, желая быть в наилучших отношениях с Австрией, в то время как ее недавнее соглашение с Германией влекло ее, казалось, в орбиту Центральных держав более сильно, чем это было бы приемлемо для России. У Извольского возникло большое сомнение: будет ли Франция безусловным союзником России, если наступит кризис. Англия, хотя и высказала свою симпатию в отношении России, откровенно заявила, что она будет в состоянии поддержать ее только дипломатически⁷⁰.

Извольский хотел выступить посредником при разрешении разногласий между Австро-Венгрией и Сербией. Англия выразила готовность поддержать русскую дипломатию в ее желании стать посредником между Веней и Белградом.

Получив заверения от правительства и генштаба Германии в том, что в случае возникновения войны Берлин придет на помощь Вене, Конрад фон Гётцендорф в письме начальнику Большого кайзеровского генштаба Х. фон Мольтке от 26 января 1909 г. изложил план совместных действий. Это был план большой европейской войны: "Сперва Германии мобилизоваться против Франции с тем, чтобы вооруженным путем разрешить борьбу с Россией и Францией, и уже потом решительно выступить против Сербии и Черногории"⁷¹. Но планам коалиционной войны в 1908–1909 гг. не суждено было сбыться. Ни Россия, ни Франция, ни Англия, ни Германия не собирались в тот момент развязывать войну.

В конце февраля 1909 г. статс-секретарь германского министерства иностранных дел А. Кидерлен-Вехтер неофициально сообщил требования Австро-Венгрии французскому послу. 13(26) февраля 1909 г. Париж направил в Санкт-Петербург меморандум, в котором говорилось о неосуществимости требований Сербии и содержалась просьба к российскому правительству предотвратить войну, так как этот кризис затрагивает жизненных интересов России⁷². Этот меморандум вызвал негодование Извольского. «Франция перешла "со всеми пожитками" на сторону Австрии. Франция желает, чтобы Россия присоединилась к этому шагу, который, как известно, Сербия не примет, а также она внушает, что Россия должна унизиться и отдать беззащитную Сербию»⁷³.

⁶⁸ Там же, л. 12.

⁶⁹ Tyler M. Op. cit., p. 205.

⁷⁰ Clayton G.D. Op. cit., p. 208; Langhorne R. The collapse of the Concert of Europe. International politics 1890–1914. London, 1981, p. 99; Gooch G.P. Op. cit., p. 347–348.

⁷¹ Нотович Ф.И. Указ. соч., с. 65.

⁷² Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего императорского российского МИД, т.1. М., 1925, с. 12.

⁷³ Годовой отчет великобританского посла в Петербурге министру иностранных дел Грею с секретными сведениями о России за 30 дек. 1908 г. – АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 288/290, л. 13.

Британия, в свою очередь, сообщила, что она не предпримет никаких шагов в Белграде до тех пор, пока к ней не присоединится Россия⁷⁴. Позиция Лондона после посещения Эдуардом VII и Гардингом Берлина также несколько изменилась. Грей направил в Петербург и Белград телеграммы, в которых говорилось, что в интересах мира требования территориальных уступок Сербии не могут получить поддержки⁷⁵. В Лондоне забыли и о европейской конференции. В результате соглашения, подписанного 26 февраля 1909 г. в Константинополе, Турция согласилась за 2,5 млн. британских фунтов стерлингов признать аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины⁷⁶.

На протяжении всего Боснийского кризиса Германии приходилось держать Австро-Венгрию в узде: "чтобы с одной стороны австрийцы не потеряли самообладания, а с другой стороны не соблазнились на такие поступки, которые могли бы повести к всеобщему кризису"⁷⁷. 14 марта 1909 г. Берлин предписал своему послу в Санкт-Петербурге заявить, что Россия должна признать свершившиеся факты. Иначе "к нашему сожалению, мы должны были бы отстраниться и предоставить ход событий своему течению"⁷⁸.

21 марта 1909 г. германское правительство фактически предъявило России ультиматум. Пурталес поставил вопрос ребром: признает ли Россия "ликвидацию XXV статьи Берлинского трактата вследствие аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией"⁷⁹. Извольский посчитал заявление Пурталеса настолько важным, что потребовал срочного заседания правительства: в то время, как поведение Вены относительно Сербии становилось все более угрожающим, Австро-Венгрия сосредотачивала свои вооруженные силы в Галиции; ходили слухи, что готовится мобилизация одного или двух германских корпусов на западной границе России.

Правительство признало, что Россия к войне не готова. Министр финансов был против принятия решения, могущего привести к войне, так как это было бы губительно для финансовой системы страны. Военный министр утверждал, что русская армия реорганизуется и не находится в том положении, в котором она могла бы предпринять серьезную военную кампанию. Совет министров единодушно решил принять германское предложение. "Получив указанный ультиматум, царское правительство растерялось; оно не решилось даже поставить в известность Англию и Францию о характере германского требования"⁸⁰.

Извольский уведомил французского и британского послов о том, что произошло, уже после того, как Совет министров принял решение. Российский министр объяснил свою позицию тем, что ему не надо было подтверждать позицию Лондона и Парижа: он знает, что Великобритания предложила бы только дипломатическую поддержку, а Франция еще недавно поддерживала Россию весьма сомнительным образом, а здесь дело явно пахло порохом.

Николай II в письме матери с горечью сообщал о поступке кузена Вильгельма: "Германия дала нам знать, что мы можем помочь делу и предотвратить войну, если мы дадим согласие на знаменитую аннексию и если мы откажемся, то последствия будут серьезными и непредвиденными. Раз вопрос был поставлен ребром – пришлось отклонить самолюбие в сторону и согласиться. Единогласно всеми министрами это было высказано... Из-за слова аннексия наши патриоты были готовы пожертвовать Сербией, так как в случае нападения на нее Австрии мы не могли ей ничем помочь, правда, что форма и прием германского правительства их обращения к нам груб и мы этого не забудем. Я, думал, что этим еще раз хотели отделить нас от Англии и Фран-

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ E. Grey – A. Nicolson, 27. Feb. 1909. – British Documents on the Origins of the War, v. V, № 621, p. 637–638.

⁷⁶ Виноградов К.Б. Указ. соч., с. 120.

⁷⁷ Бюлов Б. Указ. соч., с. 352.

⁷⁸ Тэйлор А. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. с. 461.

⁷⁹ Миллюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. М., 1910, с. 147.

⁸⁰ Эфремов П.Н. Указ. соч., с. 97; Douglas J. Britain and Europe 1900–1914. London, 1941, p. 38.

ции, но опять это не удалось. Такие способы действия приведут скорее к обратным результатам"⁸¹.

Лидер партии кадетов П.Н. Миллюков подчеркивал, что "ряд этих неудач – свидание в Бухлау, аннексия, австрийский и германский ультиматумы и безусловная сдача России, произвел огромное и тяжелое впечатление в русском обществе всех направлений"⁸². Вместо того, чтобы поразить российское общество могуществом Центральных держав, действия Германии вызвали глубокое чувство вражды к Берлину и Вене и заставили тех, кто до сих пор колебался и сомневался, искать более тесного союза с западными державами и особенно с Англией.

31 марта 1909 г. сербский посол в Вене передал Эренталю ноту, означавшую полное дипломатическое отступление Сербии. Боснийский кризис завершился.

Через месяц после кризиса российский военный агент Н.С. Ермолов доносил из Лондона, что уступка России по вопросу об аннексии Боснии и Герцеговины произвела здесь довольно тягостное впечатление. "Я должен сказать, двойко тягостное: во-первых, здесь усилилось предположение о нашей слабости в военном отношении. Мне известно, что здесь в военных сферах предполагают, что будто бы наша артиллерия еще не перевооружена после войны новыми орудиями. Во-вторых, здесь усилилось чувство опасения перед Германией"⁸³. Ермолов сообщал, что при обсуждении военно-морского бюджета на 1909–1910 финансовый год в британском парламенте возникла паника. Тревога Британии объяснялась тем, что продуктивность и быстрота английского судостроения уменьшалась, а в Германии быстро увеличивалась. Английское общественное мнение, ревниво относившееся к превосходству Великобритании на море, вдруг поняло, что в настоящее время сила подсчитывается не количеством судов, а только "дредноутами". Через 2–3 года Германия может быстро догнать Англию. Военный дипломат напомнил, что "уже ко времени Ревельского свидания у англичан было желание идти дальше англо-русского соглашения, заключенного в 1907 г., и быть может заключить с нами нечто вроде военно-морской конвенции"⁸⁴. Ермолов задавал себе вопрос: "если бы такая конвенция была заключена, не сильнее ли бы мы оказались перед лицом Босне-Герцеговинского кризиса, поддержанного Германией". Ермолов докладывал, что в британском парламенте после уступки России открыто говорили: "вот что значит в делах внешней политики не быть достаточно подготовленным в военно-морском отношении: а) подготовкой вооруженных сил; б) активными союзниками"⁸⁵.

Франция, как и Англия, была удручена дипломатическим отступлением России. Стало очевидно, европейского равновесие нарушено в пользу Тройственного союза, а Россия утратила свое влияние на Балканах и сильно встревожила Турцию своей экспансионистской политикой, заставив ее искать помощи у Германии.

Пребывая в состоянии военной слабости и неуверенности в поддержке партнеров по Антанте, Россия вынуждена была уступить Германии и со своей стороны принудила Сербию к уступке Австро-Венгрии"⁸⁶. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Англия в ноябре 1908 г. не поддержала высказанную Извольским во время визита в Лондон готовность признать аннексию Боснии и Герцеговины в обмен на усиление позиций России в отношении Черноморских проливов. Это укрепило в Берлине надежду, что в случае войны между Германией и Россией Англия сохранит нейтралитет.

Провал тайной сделки Извольского и Эренталья окончательно определил расстановку сил на международной арене в начале XX в., подвергнув серьезному испытанию на прочность англо-русские и франко-русские союзные отношения. Боснийский кризис от регионального вопроса при участии всех заинтересованных в Восточном вопросе европейских держав поднялся до мирового уровня и стал прологом к Первой мировой войне.

⁸¹ Из переписки Николая и Марии Романовых. 1907–1910 гг. – Красный архив, т. 1–2. М., 1932, с. 188–189.

⁸² Миллюков П.Н. Указ. соч., с. 305.

⁸³ Копия с весьма секретного письма военного агента в Лондоне Ермолова – А.З. Мышлаевскому от 15(28) апреля 1909 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 912, л. 259.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Туpoleв Б.М. Происхождение Первой мировой войны. – Новая и новейшая история, 2002, № 5, с. 32.